

И. ЛЕЙНАСАРЕ

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЛАТВИИ В XIII—XIV ВВ.

Состоявшийся в Москве летом 1964 г. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук обогатил ученых, представителей названных отраслей знания, многими новыми мыслями, помог им прийти по различным вопросам к новым, более правильным выводам. Ценность широко применяемого в Советском Союзе метода комплексного исследования важных проблем, т. е. одновременного изучения их силами специалистов различных областей, была еще раз подтверждена при разработке проблемы развития общества, в частности, вопроса о сельской общине. Этому вопросу был посвящен целый ряд докладов и сообщений, коснувшихся его с разных точек зрения¹.

Вопрос о сельской общине имеет важное значение для правильного понимания развития общества. Это относится и к Латвии, тем более что по вопросу о развитии на ее территории сельской общины высказывались весьма разноречивые взгляды. Буржуазные историки отстаивают и пропагандируют положение, что в Латвии наряду с деревнями уже в давние времена существовали и хутора и что именно в хуторском способе расселения нашел свое выражение национальный характер латышей. Подобного рода утверждения прозвучали и на конгрессе: в ходе прений в секции теории и методологии было высказано мнение, что развитие хуторов в Латвии определили не только исторические условия, но и этнопсихология латышей; поскольку же этнопсихология является исторически сложившейся категорией, то из этого, как будто, следует, что латыши издавна жили хуторами. Именно на такой позиции стояли латышский буржуазный историк А. Швабе² и другие историки и юристы буржуазной Латвии. Еще и сегодня «обособленность» латышей, их «чуждость коллективизму» старается подчеркнуть представитель западногерманского «остфоршунга» профессор Мюнстерского университета М. Хельман³, который деревни в Латвии XIII в. рассматривает лишь как расположенные один возле другого дворы без какой-либо коллективной собственности деревни⁴. Поскольку такие неверные и ненаучные утверждения про-

¹ Ю. М. Юргинис, Сельская община литовцев; Р. Л. Харадзе, Характер сельской общины грузин-горцев по этнографическим материалам; Ch. Pagan (Франция), *Esquisse d'une typologie historique de la communauté villageoise sur la base du domaine français*; Н. Павлович (Югославия), Преимущественное (обычное) право при продаже и наследовании завещанного имущества у югославов; П. В. Советов, Проблемы «долевого землевладения» в Европе, и др.

² A. Svābe, *Latvijas tiesību vesture*, Rīga, 1932, стр. 42.

³ Критический разбор взглядов М. Хельмана см. в издании «Изучение истории феодальной России в капиталистических странах», М., 1962, стр. 46—47; а также в статье В. Т. Пашуто, Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства, «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 40—62.

⁴ M. Heilmann, *Das Lettenland im Mittelalter*, Münster — K61n, 1954, стр. 104; см. рецензии на книгу Хельмана: В. В. Дорошенко, Феодализм в Латгалии и вое-

должают проповедоваться буржуазными историками, задачей советских историков является вскрыть всю их ошибочность и показать их тенденциозность.

Источниками при исследовании вопроса о сельской общине в Латвии служат старинные хроники, различные документы договорного характера, относящиеся к XIII—XVII вв. и касающиеся раздела земель или отдачи их в залог, а также другие документы. Значительная часть их уже опубликована⁵.

Из ученых Советской Латвии о развитии сельской общины в Латвии писали археологи⁶ и историки права⁷.

При изучении источников по сельской общине в Латвии следует учитывать, что переводы и толкования их буржуазными историками нередко ошибочны и могут привести к ненаучным и тенденциозным выводам. Особенно это относится к обеим старейшим хроникам, дающим обширный материал по истории Латвии, — «Хронике Ливонии» Генриха Латыша (Латвийского) и «Рифмованной хронике». В этих сочинениях можно найти немало конкретных сведений о видах поселений в Латвии XIII в. Из встречающихся в «Хронике» Генриха обозначений видов поселений нас интересуют здесь главным образом два — «villa» и «villula». Оба они означают «деревня», причем иногда видно, что под «villula» Генрих подразумевает небольшую деревню. В русских переводах «Хроники» Генриха слово это переводится обычно как «деревенька», «деревушка»⁸, в немецких — как «Dorf»⁹. Но в латышских переводах картина иная: «villa» правильно переводится как «деревня», «villula» же — как «ciemats», т. е. «хутор»¹⁰.

Каким образом один и тот же по сути своей термин стали переводить двояко? В относящихся к XV—XVI, а особенно к XVII в. документах по истории Латвии, составленных на немецком языке, встречается термин «Dorf», обозначающий деревню, и термин «semahten, zemaht», которым в это время начали обозначать отдельное крестьянское хозяйство, причем

точной Видземе в освещении западногерманского историка, «Изв. АН. Латв. ССР», 1956, № 9, стр. 147—155; P. Jo'hansen, Das Lettenland im Mittelalter, «Zeitschrift für Ostforschung», 1956, Hft. 1.

⁵ См., например, Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского, М.—Л., 1938 (текст на русском и латинском языках); новое издание, подготовленное Л. Арбузовым и А. Бауэрном: Heinrichs chronicon Livoniae, Hannoverae, 1955; Livländische Reimchronik, herausgegeben von L. Meyer, Paderborn, 1876; Latvijas vestures avoti, II sēj., I, II burtn, Rīga, 1937, 1940; Vidzemes tiesību vestures avoti 1336—1951 g., Rīga, 1941; A. Bulmerincq, Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga, I—III, Riga, 1923—1931.

⁶ А. Я. Стубавс, Раскопки городища Кептескалнс в 1954—1956 г., «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I, М., 1959, стр. 186—291; его же, Городище и селище Кентескалнс — археологический памятник периода перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу в Латвии, Автореферат кандидатской диссертации, Рига, 1965.

⁷ V. Kalniņš, Agrino valstisko veidojumu un šakotņejo tiesību izcelsma Latvijas teritorijā (aptuveni no XI gs. līdz XIII gs. sākumam), Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti, XII, Juridiskā zinātne, Rīga, 1957; В. К а л н ы н ь, Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI—XVI веках, Рига, 1962.

⁸ Генрих Латвийский, Хроника Ливонии, XIII, 4 и XVII, 2; «Генриха Латышского Ливонская хроника», перевод и объяснения Эд. Пабста, Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 1, Рига, 1876, XIII, 4 и XVII, 2.

⁹ Henricus de Lettis, Origines Livoniae sacrae et civilis. Heinrich's des Letten älteste Chronik von Livland, aufs neue herausgegeben und mit einer Einleitung, einer deutschen Übersetzung, Anmerkungen und Registern versehen von A. Hansen, Riga, 1957, XIII, 4; XVII, 2.

¹⁰ «Latviesu Indriķa chronika», M. Silina tulkojums, Rīga, 1883, XVII, 2; «Indriķa Livonijas chronika», Tulkojis J. Krlpešs, Rīga, 1936, XIII, 4; XVII, 2.

оно могло находиться и в пределах деревни¹¹. Латышские буржуазные историки в конце XIX в., а особенно в период буржуазной республики перенесли эти два термина XV—XVII вв., времени распада деревни, на явления XIII в., переводя «villa» как «деревня», а «villula» — как «хутор». Поскольку в «Хронике» Генриха слово «villula» употребляется лишь применительно к части территории между реками Даугава и Гауя — к юго-востоку Видземе, то получил хождение взгляд, что «в чисто латгальских, или латышских, местностях... существовали лишь хутора»¹². Следующим шагом было объявление хутора формой проявления латышской национальной специфики¹³. Эта точка зрения как будто подкреплялась «Рифмованной хроникой», которая в период буржуазной республики была вновь переведена на латышский язык¹⁴ и в которой в оригинале имеются следующие строки:

Da nach liet ein ander lant.
Die sint Letten genani:
Die heidenschaft hat spehe site.
Sie wonen note ein ander mite,
Sie buwen besunder in manchen wait¹⁵.

Однако следует иметь в виду, что автор «Рифмованной хроники» не знал юга Видземе и, говоря об этой части Латвии, лишь пересказывал услышанное им от других. Населенную латгалами территорию в то время вообще считали краем лесов и болот с чрезвычайно редкими поселениями, затерявшимися в лесной чаще или среди заболоченных пространств. Э хуторах же в приведенных стихах и не говорится. Тем не менее они юсложили буржуазным историкам дополнительным «доказательством» того, что для национальной специфики латышей характерен, мол, хуторской способ расселения.

Ныне даже перебравшиеся в Западную Германию эпигоны прибалтийско-немецкой историографии не считают, что в Латвии XIII в. существовали хутора. В новом издании «Хроники» Генриха, выпущенном в Западной Германии профессором Леонидом Арбузовым — хорошим знатоком этой хроники, обращает на себя внимание следующее замечание: «Часто встречающееся мнение, будто «villula» в противоположность «villa» означает отдельный хутор и что тем самым Генрих подтверждает данные «Рифмованной хроники» (строки 343 и ел.) о хуторском расселении латышей, не находит... в словоупотреблении хрониста никакой поддержки»¹⁶. К этой точке зрения присоединяется и М. Хельман: «Латыши, так же как и земгалы, селы, курши и литовцы, жили в доорденский период в неплотно застроенных поселениях типа деревни, размеры которых, естественно, могли быть весьма различными и которые в соответствии со своей внешней формой, отражавшей в себе рельеф местности, могут быть обозначены как рядовые или же как кучевые деревни»¹⁷. Лишь латышские буржуазные историки, обретающиеся ныне в эмиграции,

¹¹ «Livländische Güterurkunden», herausgegeben von H. Bruiningk und N. Busch, I. liga, 1908, K^o 668; Vidzemes 1638 gada arklu revīzija. Izdevis E. Dunsdorfs, Rīga, 1940, tr. 316—317, 344.

¹² «Latviešu konversācijas vārdmāca», 2 sej., Rīga, 1928—1929, 3902 si.

¹³ A. Svābe, Указ. паб., стр. 24; H. B o s s e, Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit (bis 1561), «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. 24, [ft. 4, Riga, 1933, стр. 284, H. L a a k m a n n, Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit, Baltische Lande, I, Leipzig, 1939, стр. 227.

¹⁴ «Atskaiju chronika», J. Saivas tulk., Rīga, 1936.

¹⁵ «Livländische Reimchronik», herausgegeben von L. Meyer, Vers., строки 343 и ел.

¹⁶ «Heinrici chronicon Livoniae», 1955, стр. 69.

¹⁷ M. H e l m a n n, Указ. паб., стр. 102—103.

упорно цепляются за свои прежние ненаучные построения: «Судя по источникам XIII в., деревнями жили курши, земгалы, сел-ы, ливы и латгалы, но последние лишь к северу от Гауи, к югу же от нее вплоть до Даугавы вместо деревень были хутора... Следует полагать, что здесь деревни появились позднее под влиянием русских...»¹⁸.

Итак, относительно видов поселений в Латвии раннефеодального периода большая часть историков уже не считает нужным спорить, однако по ряду связанных с деревней вопросов разногласия все еще не преодолены. Так, М. Хельман, как мы уже отмечали выше, отрицает существование в Латвии до вторжения немцев общинного строя и коллективной общинной собственности. «На этот вопрос (о существовании деревенской общины в Латвии.— *И. Л.*),— говорит он,— можно ответить отрицательно, если при этом имеется в виду политическая деревенская община — такая, какую немецкие поселенцы в ходе колонизации востока принесли с собой в Польшу, Восточную и Западную Пруссию»¹⁹. Но мнение М. Хельмана, будто латышские деревни представляли собой лишь совокупность дворов, явно не согласуется со свидетельствами источников. В документах XIII в. деревня объединяет определенную группу людей с общим правом собственности на землю. В «Хронике» Генриха жители деревни Икшкиле именуются «universitas» (1, 6), а в документе о землепользовании в деревне Ропажы от 1380 г. идет речь о «ghemenen lantlu-ijen to Rodenpoys», «lude van Rodenpoys»²⁰. Во второй редакции «древнейшего ливонского рыцарского права», относящейся к началу XIV в., имеются семь дополнительных пунктов (§61—67), которые касаются вопроса о правах деревни, находящейся в общем владении земли и пограничных споров. В пунктах этих, не имеющих никакого отношения к «рыцарскому праву»²¹, в общем зафиксирован существовавший в то время в деревне порядок землепользования. Мы видим, что еще в XIV в. «в пределах деревенского округа никто не имеет права приобретать собственность путем купли» (§61)²², т. е. земля деревни продолжала считаться коллективной собственностью и порядок пользования ею устанавливался всеми жителями деревни. Точно так же и количество дворов в деревне могло быть увеличено лишь с согласия всех жителей: «...на общей земле никому не дозволяется возводить здания без разрешения других» (§ 66, 2). Территория деревни делилась на возделанную землю и леса, луга, пастбища, реки и озера, причем возделанная земля раздавалась в пользование большим или малым семьям определенными участками, которые в документах именуются «hereditas» — «наследством» (например, «quinque hereditas in villa Ruchte»)²³. Местами еще сохранялась собственность на землю больших групп родственников — патронимии. Так, в одном, относящемся к 1245 г., земельном пожаловании упоминаются «16 uncas in cognatione Gribune et Viliames, et in villa, que Padure vocatur»²⁴, т. е. речь идет о двух патронимиях в курземской деревне Падуре — Трибуне и Вилиамес. П. Иогансен, анализируя этнический состав населения Курземе в ту эпоху, приходит к выводу, что имя Вилиамес характерно для угро-

¹⁸ «Latvju enciklopedija», Red. A. Svābe, 1. sej., Stockholma, 1950—1951, стр. 397.

¹⁹ М. Хельман п, Указ. раб., стр. 103.

²⁰ «Livländische Güterurkunden», I, № 109.

²¹ F. G. v. Bunge, *Einleitung in die liv-, esth- und curländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen*, Reval, 1649, стр. 104.

²² A. Svābe, *Livonijas senākas brunnieku tiesības*, Rīga, 1932.

²³ Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, herausgegeben von F. G. v. Bunge, III, Reval, 1857, № 475a; I. Reval, 1853, № 238, 544.—Деревня Ruchte, правда, находилась в Эстонии, но относящееся к ней выражение характеризует и положение, имевшее место в Латвии.

²⁴ Latvijas vestures avoti, II sēj., II burtņ., № 272.

финнов²⁵, поэтому следует думать, что в деревне Падуре жили совместно курши и ливы.

С увеличением численности населения в деревне и делением больших семей, если в пределах деревни по каким-либо причинам нельзя было найти место для новых дворов, они возводились вне ее, на новом месте, однако с сохранением общей собственности на землю и (на некоторое время) также старого названия деревни. Именно последним объясняются такие выражения в документах XIII в., как «*duas villas Sedgere*», «*quadraginta acto videlicet unces in villis Pallele et Orenpere et alio Orenpere*»²⁶. На существование нескольких деревень с общей собственностью на землю указывает также упоминавшаяся выше вторая редакция «рыцарского права» (§ 65): «Если у двух или более деревень есть общие поля, луга, пастбища, леса или рыбные ловли, то пользоваться этим может всякий житель деревни в меру своих сил. Но с помощью чужих людей этим не может пользоваться никто». Луга, принадлежавшие одновременно нескольким деревням, использовались следующим образом: каждая деревня по очереди косила сено на определенном участке луга, или же все скошенное сено делилось на равные части между всеми деревнями²⁷. Характерно, что М. Хельман, не признающий наличия коллективной собственности деревни, не находит объяснения для существования нескольких деревень с одинаковыми названиями: «Остается неясным, идет ли речь о двух деревнях одинакового названия или же, что более вероятно, о двух деревнях, принадлежавших одному человеку»²⁸. Между тем, как мы видели, на вопрос этот ответить нетрудно, если исходить из существования деревни как территориальной общины с общей земельной собственностью.

Относительно размеров деревень в Латвии в XIII в. мы не располагаем сколько-нибудь определенными сведениями. В известной степени о размерах этих можно судить по данным о деревнях, уступаемых ордену епископу или епископом ордену. Поскольку объем повинностей, на которые мог рассчитывать сеньор, зависел от площади и качества возделанной земли, в документах XIII в. приводится число гаков пашни, имеющих в деревнях. Так, в деревне Пастене в Земгале уступаются 8 гаков пахотной земли²⁹, в расположенных близ Турайды деревне Палеле и двух деревнях с одинаковым названием Оренпере оказывается всего 48 гаков, в деревне Лауге (*Laugele*) и двух других деревнях — 36 гаков³⁰, в деревне Падуре в Курземе — 16 гаков³¹. Если принять, что один гак (земля, обрабатываемая одноконной упряжкой) включал примерно 20 га и пашня составляла 1/3 его, то получается, что площадь возделанной земли в названных деревнях равнялась 52—104 га. Представление

²⁵ P. Johansen, *Kurlands Bewohner zu Anfang der historischen Zeit.*— *Baltische Lande*, I, Leipzig¹ 1939, стр. 278.

²⁶ *Latvijas vestures avoti*, II sēj., II burtn., № 230.

²⁷ «*Esth-und livländische Brieflade*», herausgegeben von F. G. v. Bunge und Baron R. v. Toll, Bd. I, Reval, 1856, № 114, 571.— О делении деревень в Эстонии и на северо-востоке Руси см. в работах. P. Johansen, *Siedlung und Agrarwesen der Esten in Mittelalter*. *Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft*, Bd. 23, Dorpat, 1925, стр. 36—37; С. Б. Веселовский, *Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.* М.—Л., 1936, стр. 30.

²⁸ М. Хельман, Указ раб., стр. 75.

²⁹ *Latvijas vestures avoti*, II sēj., II burtn., № 432.

³⁰ Там же, № 230. Из документа 1248 г., которым епископ рижский Николай утверждает во владении рижского соборного капитула подаренные последнему епископом Альбертом земли (там же № 300), видно, что две другие деревни — это Эйками (*Jeikisile*) и Колтернале (в материалах ревизии 1601 г.— **Колтциемс**); в деревне Лауге (*dorff Laugenn*) в 1601 г. числилось 10 гаков.

³¹ *Latvijas vestures avoti*, II sēj., II burtn., № 272.

о размерах всей территории деревни, по всей видимости, дают документы XV—XVI вв. о купле-продаже земли. В 1461 г. Юрген Икскуль продает Герту Крюденеру деревню Потциемс размером в 9 гаков³², в 1517 г. Эвальд Паткуль продает рижскому архиепископу замок Розула с деревнями Рупсала (Rupsall, 9 гаков), Биллены (Billen, 5 гаков), Межциемс (Bowdendorp, 6'Д гака), Багусты (Bagusten, 18 гаков), Шуланы (Sulen, 8 гаков), Ажжалнс (Uskaln, 7 гаков)³³. В 1529 г. продается замок Страупе с деревнями Куkeny (Kuicken, 30 гаков), Иквалде (Ickwalde, 20'г гака), Лавциемс (Lawzehm, 9 гаков), Аргали (Argelen, 11 гаков), Даугули (Dawgel, 35'г гака)³⁴. Как видим, наряду с большими деревнями существовали и совсем маленькие. Нужно ли более убедительное объяснение для появления слова «villula» наряду с «villa»?

Сведений о количестве дворов (sēta или ciemats³⁵) в деревне (ciems) сохранилось мало, при этом они относятся к разным векам. Конкретные данные о количестве строений в деревне в VIII в. доставили археологические раскопки на селище Кентескалнс, где было вскрыто 26 построек с печами из валунов и 41 постройка с очагом и без него³⁶. Последующие данные относятся к значительно более позднему периоду — XVI в. В 1522 г. на юго-востоке Видземе упоминается деревня Сатрава с 36 гаками земли (включая луга, пастбища и леса) и 72 дворами. Эта деревня была весьма большой — недаром ее называют также волостью³⁷. Деревня Сатрава упоминается также в 1497 г., когда из нее были выделены 3 гака с 8 дворами³⁸. В том же районе в волости Думова в 1522 г. в четырех деревнях — Варицены (Warretzen), Триекели (Trekullen), Messekurlenn, Kurselen — вместе было 49 гаков и 78 дворов³⁹. Из другого документа видно, что в деревне Варицены было 2 гака посевов, а во всех четырех деревнях вместе — 8'г гака⁴⁰. В 1582 г. в деревне Галвена было 16 гаков и 50 дворов, в деревне Мелнава — 18 гаков и 41 двор, в деревне Раддава — 22 гака и 50 дворов, в деревне Гадены — 7 гаков и 19 дворов, в деревне Силциемс — Ю'г гака и 26 дворов, в деревнях Светэзерс и Марциена вместе — 12'г гака и 30 дворов⁴¹.

Как вытекает из документов, в XV—XVII вв. слово «ciemats», в более раннее время обозначавшее просто землю под крестьянским двором, приобрело другое значение. Поскольку повинностями феодалу в соответствии с площадью пахотной земли теперь обязана была уже не деревня как таковая, а каждое конкретное хозяйство, термин «ciemats» стали относить к отдельному крестьянскому хозяйству. Деревня стала утрачивать характер коллективной общности; недаром в последней редакции ливонского «рыцарского права», относящейся к первой половине XV в., первые три пункта деревенского права, касающиеся права общей собственности деревни на землю, опущены. Распаду деревень и образованию хуторов в очень сильной мере способствовало создание имений (мыз) на месте деревень, — процесс, активно протекавший в XVI—XVII вв., причем с особенной интенсивностью там, где имелись более обширные резервы пахот-

³² Vidzemes tiesību vestures avoti 1336—1551 g., № 16.

³³ Там же, № 62.

³⁴ Vidzemes tiesību vēstures avoti 1336—1551 g., № 87.

³⁵ «Ciemats» первоначально соответствовал русскому «усаду» (место под крестьянским двором).

³⁶ А. Я-Стубавс, Городище и селище Кентескалнс..., стр. 16.

³⁷ Vidzemes tiesību vēstures avoti 1336—1551 g., № 71.

³⁸ Там же, № 34.

³⁹ Там же, № 71.

⁴⁰ Vidzemes tiesību vēstures avoti 1336—1551 g., № 70.

⁴¹ Vidzemes saimniecības vestures avoti 1553—1618 g., Rīga, 1941, стр. 3—10.

ной земли, которые можно было использовать для основания новых крестьянских хозяйств⁴².

Все сказанное ясно показывает, что в Латвии не только в раннефеодальный период, но еще и в XIII—XIV вв. единственным видом поселений были деревни, основывавшиеся на коллективной земельной собственности и соответствующем общинном строе. Хутора как вид поселений возникли значительно позднее, и их появление связано не с этнопсихологией латышей, а со складыванием мызного хозяйства.

SUMMARY

The author demonstrates how erroneous are opinions of foreign bourgeois historians (A. Svabe, M. Hellmann), who advocate the thesis that since long ago in Latvia farmsteads existed together with villages, and that the national psychology of Latvians finds its expression in the farmstead type of settlement. Re-analyzing, the written sources (ancient chronicles, various documents of a contractual type etc.), the author concludes, that not only in the early feudal period, but even in 13—16 centuries villages were the only type of rural settlements in Latvia, and that these villages were based on a collective land property.

The farmstead settlement type originates much later, and its establishment is connected not with the **ethnopsychology** of Latvians but with the formation of «mysa» farming economy.

⁴² Подробнее см. Dz. Liepina, *Agrāras attiecības Rīgas lauku novada vēla feodālisma posmā* (17—18 gs.), Rīga, 1962.